

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ТЕОРИЯ ПРАВА

А. А. Васильев*

Самобытность правовой культуры России в воззрениях славянофилов

Принятие воззрения славянофилов на право позволяет преодолеть банальное и неверное представление большинства современных мыслителей, в частности юристов, о низкой правовой культуре России, биче России — правовом нигилизме — отрицании права и его ценности для российской цивилизации. Главное заблуждение, в которое впадают ученые, — это оценка русской правовой культуры с точки зрения западноевропейских теорий верховенства права и закона в жизни общества, естественных прав человека во главе с идеалом свободной личности¹.

Славянофилы справедливо указывали на уникальность не только русской духовной культуры, но и восприятия русским народом права. И. Киреевский точно заметил: «Даже самое слово „право“ было у нас неизвестно в западном смысле, но означало только справедливость, правду»². Как показывают результаты современных исследователей, славянофилы были правы в том, что право в русском сознании связывается с нравственностью, правдой, справедливостью, а не с установленными государством юридическими правилами поведения³.

Нравственность, справедливость, по словам славянофилов «внутренняя правда», преобладают в русском сознании над законом, юридическими нормами — внешней правдой. Славянофилы не смешивают нравственные идеалы и формальное, государственное право. По их мнению, внутренняя правда, живущая в сознании русского человека, — это высшие духовные ценности, которым человек покоряется по зову сердца и совести без внешнего принуждения со стороны государства. Идеал для славянофилов состоит в нравственном возвышении души человека по православному заповедям любви к людям, а не в обеспечении собственной свободы при помощи государственного закона. Для славянофилов важно состояние человеческой души, а не внешнее соблюдение закона. Православное учение славянофилов исходит из постулата о том, что в своем духовном мире человек делает выбор в пользу добра или зла. Его поведение — лишь результат нравственного выбора. Поэтому славянофилы смотрят в душу человека, его нравственное состояние, а не на последствия.

К. С. Аксаков писал: «Закон нравственный, внутренний требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтобы поступок был нравственный по понятиям закона, вовсе не заботясь, нравственный ли сам человек, и откуда истекает его поступок. Его цель — устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа

* Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета.

¹ См.: Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 109.

² Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 355.

³ См.: Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2006.

оказалась не нужна человеку, чтобы и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства»¹.

Иными словами, внешней правде безразлично состояние души человека, единственное, что необходимо от человека — это соблюдение закона. Мотивы подчинения закону для внешней правды не имеют никакого значения: страх перед наказанием, боязнь общественного суждения и т. п. Человек может быть внутренне безнравственным, хотя и действующим в соответствии с юридическими нормами. Как только ослабевают контроль в отношении такого человека, его порочная душа вырывается на волю в виде нарушений права.

Для славянофилов было немыслимо, чтобы жизнь человека зависела от действия принудительного закона. Формализм и принудительность разрушают естественность и органичность общественного мира. Не может система принудительных правил быть идеалом порядка в обществе. Общество, основанное на принуждении людей к добру, очень хрупко, оно может рухнуть под гнетом порока и зла. Власть и общество, равнодушные к нравственности, недолговечны, они рано или поздно разрушатся. Славянофилы призывали к нравственному совершенствованию человека, духовному лечению общественных недугов, которым помочь принуждение и законы бессильны. Закон слаб в смысле нравственного воспитания человека и всегда борется с имеющимися последствиями преступления. Нравственность человека самоограничивает и возвышает его над миром тлена и зла.

Из славянофильской концепции вытекают два не потерявших значения до нашего времени вывода. Во-первых, русская культура отдает приоритет внутренней правде — нравственным идеалам, а закону (внешней правде) придает подчиненное положение. Во-вторых, нравственной личности нет надобности в формальном законе, поэтому духовно добродетельные люди отвергают какое-либо значение закона в своей жизни, не видят в нем ценности. Закон создан для духовно слабых людей, не способных жить по нравственным заветам добра и справедливости. Этих людей закон удерживает от совершения зла другим членам общества. Вследствие чего славянофилы отводят внешней правде роль борьбы со злом безнравственных людей, но не самодовлеющего принципа общественной жизни.

Н. В. Устрялов замечает: «Право, как явление самостоятельное, как самодовлеющий принцип, решительно отвергалось славянофилами. Выражаясь современным научным языком (в терминах западноевропейской науки), они не признавали за правом специфического а priori и отстаивали этическое а priori права»².

Соотношение нравственности и формального права (государственного закона), традиционное для русской политико-правовой мысли, славянофилами основывалось на следующих началах.

Необходимость следования нравственной добродетели вытекает из православного идеала единства и любви людей. Закон же основан исключительно на авторитете власти и возможном применении принуждения к нарушителям. Так, А. С. Хомяков писал: «Русской земле была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащей чувству любви»³.

Внутренняя правда обращена к духовному миру человека, а внешняя правда имеет дело с поступками человека, следствием нравственных идеалов личности.

¹ Аксаков К. С. Собрание сочинений. М., 1889. Т. I. С. 56.

² Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофилов. Харбин, 1925. С. 10.

³ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1990. Т. I. С. 164.

Внутренняя правда выражается в самоограничении человека, несении им моральных обязанностей перед обществом, долге. Внешняя правда выражается в правах и обязанностях, навязанных извне человеку государственной властью. А. С. Хомяков заметил: «Для того чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не закона внешнего, который опять не что иное, как сила, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признаваемая им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права»¹.

Мерило поведения с точки зрения внутренней правды — это совесть человека, которая внутренне подчиняет волю личности нравственным идеалам и тем самым приводит к совершению поступков по доброй воле, а не по внешней необходимости. Внешняя правда, напротив, безразлична к вопросам нравственного выбора и ее реализация всецело зависит от механизма государственного принуждения. Для славянофилов покорность, даваемая силой государства, — ложь, духовный обман. Принуждение умерщвляет внутреннюю свободу и выбор человека. Человек, подчиненный закону, духовно не свободен, так как он не делает осознанного нравственного выбора.

Внутренняя правда — духовно-нравственный регулятор поведения для нравственных людей, способных испытывать муки совести. Внешний же закон создан для недопущения и борьбы со злом порочных людей, не способных услышать голос совести.

Конечно, легко упрекнуть славянофилов в нравственном идеализме, как это делал, к примеру, Н. В. Устрялов. Да, трудно представить себе нравственно сильную личность, вписывающуюся в идеалы славянофилов. Однако еще более ущемно полагаться на закон и меры полицейского контроля в обеспечении общественного мира и порядка. На наш взгляд, славянофилы верно связывали общественный идеал с духовно-нравственным состоянием человека, который не мечом государственным, а своим нравственным долгом заботится об общественном благе, жертвуя собой ради других.

С непреложной необходимостью нравственный идеал славянофилов предполагает, что закон должен соответствовать нравственности, выражать ее духовные начала справедливости и добра. Так, вполне современны и поучительны для юристов рассуждения И. С. Аксакова: «Нам говорят, что для юриста повиновение закону (безразлично, хорошему или дурному) есть такая же аксиома, как дважды два четыре для математика. Но, повиновение закону, как житейская аксиома, по нашему мнению, вовсе не входит в круг ученых соображений юристов, ни в круг „истин науки — права“. Для юриста, напротив, важно свободное отношение жизни к закону, его исполнимость или неисполнимость, его соответствие или несоответствие с временным уровнем общественной нравственности, его содержание, а не сигнатура. Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, не подверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое „право“ не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и в идее высшей нравственной справедливости. Читатели, конечно, не выведут из наших слов заключения, что мы проповедуем неуважение к закону или „анархию“. Повиновение законам, без сомнения,

¹ Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М., 2008. С. 560.

желательно, но юрист не есть официальный блюститель благочиния, надзирающий за непременным практическим исполнением законов со стороны общества: он относится к ним критически, он не проповедует неповиновения, но отмечает его и принимает в соображение, как поучительный свершившийся факт. Впрочем, мы должны признаться, надо было бы иметь много отвлеченности в своем развитии, чтобы на практике, в жизни, приводить в исполнение или требовать противоречащего безусловного исполнения всякого, противоречащего совести и нравственным человеческим требованиям... если бы можно предположить существование такого закона»¹.

Иными словами, для славянофилов очевиден выбор в случае противоречия права и нравственности в пользу духовно-нравственных ценностей. Славянофилы готовы отвергнуть закон, нарушающий нравственные постулаты. Главное для них сохранить духовную добродетель в сердце, пусть и ценой нарушения закона. Так, в случае необходимости помощи немощным и слабым людям возможно отступление от юридических норм.

Соотношение права и нравственности в трактовке славянофилов верно выразил Г. Флоровский: «Если для человеческого поведения единственным и решающим регулятивом служит им воспринимаемая норма религиозного или нравственного закона, которая непосредственно внушает образ действия в каждом отдельном случае, — то сама собою отпадает юридическая регламентация жизни общеобязательными законами и постановлениями»².

Доминирование нравственности в русской культуре, обоснованное славянофилами, зачастую неправильно воспринимается исследователями в качестве недостатка — нигилистического отношения к праву и закону. Поразительно, более высокого порядка достижение в культуре считается слабостью, невежественностью русского народа, который не может создать прочные юридические основания своей жизни. Но нравственные абсолюты, вложенные в сердца людей и воспитанные богатой духовной традицией, не могут мириться с принципами преклонения перед законом — средством борьбы со злом нравственно слабых людей. По нашему мнению, банальное для России утверждение о правовом нигилизме — миф, который формирует комплекс неполноценности у русского народа — представление о некоей культурной отсталости от западных образцов правовой государственности. На самом деле формальному праву в русской культуре отдается должное место — подчинение духовно-нравственным регуляторам поведения человека. В действительности игнорирование права как высшего начала жизни — показатель нравственной высоты русского сознания. Человек русской культуры шире и богаче духовно тесных и душных юридических правил, для него не существующих в качестве идеальной нормы поведения. Его идеалы коренятся в жертвенной христианской любви ради других, а не в искусственных правилах, рассчитанных на обеспечение минимального добра в жизни общества, но не высоких духовных идеалов святости.

Конечно, славянофильское учение о внутренней правде не означает полного и абсолютного неприятия права — внешней правды. Квинтэссенция их размышлений по поводу права — признание условной, земной, бренной ценности права, не способного создать нравственно благополучное общество и являющегося всего лишь низшей ступенькой в совершенствовании духовного мира.

¹ Аксаков И. С. Доктрина и органическая жизнь // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 110–111.

² Флоровский Г. Вечное и преходящее в учении славянофилов // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 40.

Таким образом, славянофилы, отдавая первенство внутренней правде, признавали за правом ценность в смысле совершенствования общественных условий — внешних форм совместной жизни людей, при которых бы сохранялся мир, устойчивость и исключались всплески зла. Поэтому внешняя правда должна служить нравственным идеалам, охранять духовные ценности общества.

К высшим духовно-нравственным императивам, которым должно соответствовать формальное право, славянофилы относили:

— христианскую любовь к ближнему, которая выражается в сочувствии, сострадании и добрых делах в отношении людей. Конечно, позитивный закон не требует любви людей друг к другу, а скорее защищает их от ненависти и сердечной злобы, выражающихся в противоправных поступках. Удивительно другое, что в большинстве современных стран закон равнодушен к случаям оставления родителями своих детей в детских домах. Такое равнодушие, по сути дела, разрешает, допускает матери отказаться от своего ребенка, что противно природе и душе человека. Естественно, средства закона здесь бессильны. Закон не может привить любовь матери к ребенку, но и равнодушным он не должен оставаться. В этом смысле следует согласиться с Ф. М. Достоевским, который устами своего героя Ивана Карамазова сказал: «Как может Бог допустить, чтобы неповинный ни в чем ребенок страдал. Гармония общества не стоит ни одной слезинки ребенка»;

— нравственный долг, внутреннюю обязанность, самоограничение, идею которого позднее развил Н. Н. Алексеев в учении о правообязанности. Н. А. Бердяев очень точно указал на сильную сторону славянофильского взгляда на соотношение нравственности и права: «В славянофильском сознании решительно преобладает нравственный момент над юридическим, идея обязанности — над идеей права. В этом нельзя не видеть здоровых начал... В них жил идеал органической христианской общности, идеал, противоположный всякому механизму, всякому формализму»¹;

— справедливость как воздаяние должного, каждому по его заслугам. Глубока и интересна мысль И. Киреевского: «Справедливость, правда, реже любви, потому что она труднее, стоит более жертвований и менее усладительна»²;

— милосердие — сердечная милость, прощение грехов и пороков, милость к падшим и их духовная поддержка. А. Хомяков так писал о милосердии как средоточии общинной жизни: «Взаимное вспоможение имеет уже характер не милостыни (которая истекает из чувства христианского и, следовательно, не может быть предписана законом), не подаяния невольного, которое кладет скудный кусок нищему в рот для того только, чтоб он не вздумал взять себе пищу насильно, но обязанности общественной, истекающей из самого отношения товарищей друг к другу и обусловленной взаимною и общею пользою. Русская поговорка говорит: „Кормится сирота, растет миру работник“. Это слово важное; в нем разрешается задача, над которою трудятся бесполезно лучшие головы Запада. Нищета же безысходная при общине делится на два случая: на нищету, происходящую от разврата, и на нищету от сиротства и несчастия (вдова или старик совершенно безродные). В первом случае община очищает себя исключением виновного, как неисправного и негодного товарища; а второй случай, встречающийся весьма редко, достаточно покрывается чувством братского сострадания и никогда не может служить источником общественного зла»³.

¹ Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. М., 2007. С. 398.

² Киреевский И. В. Отрывки // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 319.

³ Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России» // Хомяков А. С. Всемирная задача России. С. 355.

Славянофилы несовместимость русской культуры с идеалами права и закона видели в духовно-нравственных и исторических различиях России и Запада. Путь западного просвещения, предполагающий развитие юридических начал общества, славянофилами отрицался как чуждый истории и духовности России. Идеи западников об отсталости России в правовом отношении, юридическом варварстве славянофилы не принимали¹. И. С. Аксаков писал: «Многое можно было бы сказать здесь о „чувстве легальности“, в недостатке которого упрекают наш Русский народ, об отношении науки права в Русской народной жизни... Мы хотели только, с одной стороны, заявить здесь наше несогласие с провозглашенной теорией, безразлично требующей духовного поклонения всякой сигнатуре закона без внимания к его содержанию и духовно рабствующей пред внешним условным, принудительным началом; а с другой — указать на это мертвенное отношение так называемой науки к пробуждающимся требованиям современной не только Русской, но даже и Европейской жизни, этот ответ ее, холодный и гордый, на ее тревожные запросы. Разумеется, эта печальная доктрина выросла не нашей почве, она заемная; но тем не менее достойны сожаления те, которые приняли ее в душу и принесли ей в жертву свое трудолюбие и таланты»².

В словах И. С. Аксакова можно найти призыв к современной юриспруденции вскрывать и сохранять традиционные ценности российской культуры, тем более в современную эпоху, когда потребительская цивилизация и глобализация угрожают существованию не только национальных государств, культур, но и выживанию самого человека. Именно в смысле перспектив человеческого существования на планете актуальны размышления славянофилов о противопоставлении западной и русской культур. Одной из составных частей сохранения человека в рамках русской духовности выступает идея нравственного совершенствования по заповедям Христа, а не преклонения перед искусственной юридической свободой.

Изучение славянофилами западной истории и культуры натолкнули их на мысль о том, что западная цивилизация закономерно во главу угла поставила право как средство совершенствования общественной жизни. Историческое и духовное ядро Запада связано с началами индивидуализма и материальной пользы. Причины раздробленности западной цивилизации на отдельные атомы-индивиды коренятся в условиях формирования европейского мира. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский связывают историю западного мира с римским культурным наследием и духом германских народов.

Римское просвещение, воспринятое европейскими народами, несло за собой вслед за рассудочностью культ римского права — формальных, принудительных правил поведения. Причем в идеал возводились не высшие духовные добродетели справедливости и правды, а внешние, условные правила общежития.

А. С. Хомяков так раскрывает существо римской юридической традиции: «Если мы захотим господствующую особенность римского образования одною общою формулою, то не ошибемся, кажется, если скажем, что отличительный склад римского ума заключался именно в том, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутреннею сущностью вещей. Этот склад ума должен был выразиться в характере и внутреннем смысле религии... Римлянин поклонялся идее правды, не той внутренней правды, которая бьет живым ключом в душе, освящая и возвышая ее, а правды внешней, которая довольствуется освящением и охранением условных и случайных отношений между людьми... <...>

¹ См.: *Исаев И. А., Золотухина Н. М.* История политических и правовых учений России XI—XX вв. М., 1995. С. 234–235.

² *Аксаков И. С.* Доктрина и органическая жизнь // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. С. 112.

Формальность и рационализм, преобладающие начала римского образования, выразились ... в юридическом стремлении всей римской жизни и в возведении политического общества до высшего, божественного значения»¹.

Преклонение перед внешней правдой германские народы усвоили после завоевания Рима и возрождения римского права в университетах в X–XII вв. Римское право средневековыми юристами воспринималось как писанный разум — высшее достижение человеческого ума, которое одно только способно обеспечить комфортную и благополучную жизнь европейцев.

Дух германских народов славянофилы видели в агрессивности, стихии войны германцев, которые покорили Римскую империю. Завоевание германцами народов, населяющих Европу, раскололо европейское общество на беспрестанно враждующих завоевателей и завоеванных. При отсутствии единства в таком обществе нравственные императивы бессильны, поскольку духовные начала борющихся сословий различаются и не могут быть едиными. Скрепить такое общество могут внешние, условные юридические нормы, единые для всех. Гарантией от столкновения и хаоса становится внешняя правда, удерживающая стороны от кровопролития и сохраняющая хрупкое, искусственное равновесие.

И. В. Киреевский замечает: «Непримиримая борьба двух спорящих племен, угнетавшего и угнетенного, произвела на все развитие их истории постоянную ненависть сословий, неподвижно друг против друга стоящих, с своими враждебными правами, с исключительными преимуществами одного, с глубоким недовольством и бесконечными жалобами другого, с упорною завистью возникшего между ними среднего, с общим и вечно болезненным колебанием их относительно перевеса, из которого рождались наружные, формальные и насильственные условия примирения, которыми все стороны оставались недовольными и которые могли получить некоторое утверждение в сознании общественном только из начала, вне государства находящегося...<...> Поэтому и развитие права гражданского в западных странах получило тот же смысл внешней, спорно-буквальной формальности, какой лежал в самой основе общественных отношений. Римское право, еще продолжавшее жить и действовать в некоторых отдельных городах Европы, еще более укрепило это направление внешней формальности в европейской юриспруденции. Ибо римское право имеет тот же внешний формальный характер, за наружную буквою забывающий внутреннюю справедливость»².

Разобщенность европейского общества с неизбежностью приводит к господству закона — внешнего, искусственного средства сдерживания социальных сил. Не случайно, в западной философии права была обоснована концепция общественного договора как компромисса социальных сил для достижения порядка и мира при помощи создания государственности и закона. Можно сказать, что в основе западного права лежит сделка, договор об установлении взаимных прав и обязанностей людей в обществе. По поводу общественного договора И. Киреевский писал: «Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно, каждый сам по себе, и соединяются не по нормальному закону, а — или в случайном порядке, или в искусственном соглашении... Поэтому общественный договор не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стре-

¹ Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России» // Хомяков А. С. Всемирная задача России. С. 364.

² Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. С. 178.

мились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента, перевесившего элемент христианский»¹.

Таким образом, культ разума в античной философии, господство внешней правды, закон, завоевание как фактор образования европейских государств привели к следующим характерным чертам европейской правовой культуры:

– перевес права над справедливостью, буквы закона над духом, нравственностью;

– социальный раскол в Европе требовал внешних гарантий — искусственных юридических правил, исходящих от государства, для обеспечения общественного равновесия и противостояния социальной борьбе;

– искусственность, формализм, самодовлеющее значение права, которое не нуждается в духовном оправдании нравственными ценностями;

– договорный, согласительный характер образования права;

– доминирование закона как источника права рационального характера для обеспечения искусственного, задуманного порядка отношений;

– главное то, что европейское право духовно выхолощено и полагает своим достоинством свободу личности от каких-либо абсолютов, в том числе свободу совести — или точнее свободу от Бога. Обмирщение культуры привело к признанию священного значения за юридическими установлениями, которые выполняют охранительную функцию в находящемся в постоянной борьбе обществе, тем самым удерживая его от катастрофы.

Русская цивилизация лежала в стороне от западной истории и не восприняла ни античной рассудочности, ни искажения христианства, ни римского права, а становление русской государственности не связано с завоеванием. Для истории России было характерно духовное единство, общественная монолитность, которые не нуждались в формальном законе и общественном договоре.

И. В. Киреевский очень точно заметил: «Не искаженная завоеванием, Русская земля в своем внутреннем устройстве не стеснялась теми насильственными формами, какие должны возникнуть из борьбы двух ненавистных друг другу племен, принужденных в постоянной вражде устраивать свою совместную жизнь... Она не знала, следственно, и необходимого порождения этой борьбы: искусственной формальности общественных отношений и болезненного процесса общественного развития, совершающегося насильственными изменениями законов и бурными переломами постановлений... <...> Вследствие таких естественных, простых и единодушных отношений и законы, выражающие эти отношения, не могли иметь характер искусственной формальности, но, выходя из двух источников: из бытового предания и из внутреннего убеждения, они должны были в своем духе, в своем составе и в своих применениях носить характер более внутренней, чем внешней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости — буквальному смыслу формы; святость предания — логическому выводу; нравственность требования — внешней пользе»².

Славянофилы главными особенностями русской правовой культуры считали:

– преобладание нравственности над правом, духа, справедливости над буквой закона, а если говорить словами Киреевского, «внутренняя справедливость брала в древнерусском праве перевес над внешнею формальностью»;

– естественность, органичность нравственных и юридических отношений, воплощенных в обычаях и верующей совести человека;

¹ Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. С. 355–356.

² Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Там же. С. 202–204.

— первенство обычая как формы права, соединяющего традиции народа с со-
вестливой оценкой жизненных отношений;

— духовно-нравственное оправдание внешней правды, ее освящение абсолю-
тами безусловного, божественного происхождения.

Для славянофилов будущее за духовным совершенством и внутренней правдой, когда жизнь общества естественно и гармонично выражает христианские идеалы, а не загнывает по формальным канонам искусственных и принудительных юриди-
ческих принципов, сдерживающих нравственно падших людей от совершения зла. По их мнению, общественная гармония не может держаться на самообмане, недо-
верии и безразличных к нравственности правилах поведения. Если нет доверия в об-
ществе к добродетели людей, то такое общество на краю гибели и цепляется за фор-
мальное право как за соломинку, чтобы только не скатиться в хаос и ад.

Славянофильской концепции внутренней правды либерально настроенные
правоведы могут противопоставить доктрину естественного права, которая офи-
циально признана Конституцией России. Иногда теорию естественного права на-
зывают нравственным подходом к праву. Нравственные, духовные начала были
характерны для концепции естественного права в его античной и христианской
трактовках, когда естественное право связывали с вечными законами мирозда-
ния или божественными законами. Человек должен был в своих поступках и по-
зитивном праве воплощать естественно-правовые начала — брак между женщиной
и женщиной, рождение детей, забота о стариках и т. п. Современная же теория
естественного права, как убедительно показали работы философов и правоведов,
является утилитарной и сводит естественное право к правам личности — праву
собственности, свободе, телесной неприкосновенности и, что еще печальнее, сво-
боде от Бога — свободе совести.

Отечественный правовед Р. В. Насыров вскрывает духовное опустошение ново-
европейской концепции естественного права: «Традиционное восприятие естест-
венного права предполагало решение задачи максимум — воплощение в человеке
и социальном мире онтологических, сакральных основ бытия. Все мировые религии
и развернутые философско-этические системы и являются лишь вариантами поста-
новки, но не реализации этой задачи максимум. Поэтому в „соперничестве” с такими
возвышенными трактовками естественного права у либеральной концепции есть не-
сомненное преимущество — поставив задачу минимум и отказавшись от „мирового
контекста”, решения фундаментальных вопросов социального бытия мировоззрение
эпохи модерна реализовалось на практике. В рамках секуляризованной, обмирщен-
ной культуры и возникает либеральная трактовка естественного права»¹.

За славянофильской идеей внутренней правды стоит Бог и совершенствование
человека в его любви к другим людям. За доктриной естественного права не стоят
духовно-нравственные абсолюты. Сам человек объявляется творцом своей судьбы
и мерил прогресса. Славянофильское учение обращено к духовному миру че-
ловека, тогда как школа естественного права касается совершенствования внеш-
них условий жизни человека. У славянофилов превыше всего стоит нравственное
чувство справедливости, а у либералов — понятие о пользе и законе, охраняющем
материальный комфорт личности. Славянофилы в человеке видели существо, ко-
торое связано невидимыми нитями со всеми людьми, а потому самоотверженное,
сопереживающее и милосердное. Сторонники же концепции естественного права
в человеке видели его животную суть, конкурирующую и борющуюся с другими
членами общества по законам социального дарвинизма за обладание материаль-
ными благами. Слабым и немощным в таком мире не место.

¹ Насыров Р. В. Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. Барнаул, 2008. С. 97.

Однако либерально мыслящие ученые могут указать на то, что в учении славянофилов не остается места свободе личности. Естественное право дарует каждому свободу, а славянофильское учение об обществе — будто бы закрепощает личность в коллективе. Анализ европейской культуры, которая реализовала концепцию естественного права, показывает, что свобода человека сведена к погоне за успехом и фактически задавлена культурой потребительства, идеологией, тотальным контролем полицейского государства за обществом. Люди, зараженные идеей материального процветания, стали рабами, заложниками вещей и потеряли свою сакральную свободу.

Славянофилы не раз подчеркивали, что человек должен быть внутренне, духовно свободен и какое-либо насилие над его духом недопустимо. При этом свобода для них состояла в служении обществу, долге перед людьми, когда в своей любви к людям человек приближается к Богу, чувствуя свое единение с другими и вечность души.

Концепция естественных прав — это парадокс. Не могут быть естественными, органичными, природными правами так называемые соматические права личности (право на изменение своего внешнего биологического вида, пола, распоряжение телом, самоубийство, генетическое клонирование)¹. Нравственной основы такие права не имеют и доводят человеческое существование до абсурда. Западная правовая культура по своей духовной сути — нравственное падение, духовный нигилизм. Не России надо искать лекарство от правового нигилизма, а западному миру, глядя на опыт России, следует преодолевать духовно-нравственную смерть — возрождать духовные основы общества, чтобы выстоять и выжить в эпоху тотальной культуры потребительства.

Конечно, не стоит славянофильское учение о внутренней правде воспринимать как идеализацию российских порядков и ссылкой на высокий нравственный потенциал России оправдывать грехи и беды российского общества. Огонь веры и нравственное возвышение — это личностный и общественный идеал славянофилов, от которого далека как Россия славянофилов, так и современная Россия без славянофилов. Ими был указан путь, которым можно преодолеть губительные ростки западной цивилизации — по пути духовного просветления общества. Пороки России славянофилы не скрывали и не затушевывали, а обличали их как патриоты своего Отечества.

Так, в своих стихах А. С. Хомяков без прикрас описывал Россию:

В судах полна неправды черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоею главой.

В итоге обозрения славянофильского учения о праве можно сформулировать ряд обобщений.

Во-первых, славянофилы сердцем русской культуры считали духовность, нравственность, внутреннюю правду. Закон, формальная, внешняя правда, занимает подчиненное место по отношению к духовно-нравственным ценностям любви, добра, долга, справедливости и милосердия. Закон должен вбирать в себя ду-

¹ См.: Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002. С. 425–462.

ховные начала общества. При расхождении нравственности и права предпочтение должно быть отдано нравственности.

Во-вторых, учение славянофилов позволяет преодолеть разрушительный миф о низкой правовой культуре российского общества. Право в русской духовности уступает первенство нравственной правде, которая является идеалом человеческого поведения. Закон создал слабых душой людей. Нравственность поднимает человека из брэнного мира греха и потому возвышает его в любви и единстве с другими людьми. По той причине, что русский народ предпочитает более высокие нравственные заветы, нельзя его упрекать в низкой культуре. Настоятельней другая задача — освобождения национального сознания от ложных идеалов европейской культуры.

В-третьих, европейские начала господства закона, правовой государственности, естественных прав человека — деформация секуляризованной общественной культуры. В обществе, где вера потеряна и отсутствуют высшие идеалы, порядок и внешняя гармония могут быть обеспечены полицейскими средствами контроля, закона и принуждения. Высокая правовая культура Запада на деле оборачивается нравственным разложением, духовным падением. Поэтому для современного человечества актуальным должен быть поиск альтернатив европейской культуре потребительства. Русским ответом может быть православная концепция внутренней правды, с помощью которой возможно преодоление пороков индивидуализма, неестественных прав, обмирщения, на основе соборной любви, нравственного единства и права как долга.